

Ц. Цветкова

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ РОССИИ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ НА КАВКАЗЕ В 30-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Статья рассматривает дипломатическое столкновение Российской империи с Великобританией на Кавказе в 30-ых годах XIX века. Территория, в которой Россия все еще не укрепила свою власть, становится самым слабым звеном Российской национальной безопасности и оказывается частью британской политической стратегии, что связано с процессом ограничения российского влияния в Европе и Азии. Бесспорными факторами, создававшими необходимые условия для реализации данной стратегии, являлись Кавказская война и сильная анти-русская пропаганда в Великобритании. С одной стороны, происходило расширение российской военной колонизации, что было основным методом управления Николая I для установления контроля над Северным Кавказом, а с другой стороны, усиливается британская пропаганда, которая становится серьезным политическим оружием для защиты кавказского населения. В данном исследовании подчеркиваются конкретные примеры дипломатического противостояния между двумя странами на Кавказе, а также предоставляется информация о неисследованных на сегодняшний день архивных данных.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Кавказ, Черкессия, Дэвид Уркарт, „Виксен“, поляки

В первые годы царствования Николая I Российская империя добивается значительных внешнеполитических успехов, что начинает беспокоить Великобританию. Эта страна была основным соперником России, и пыталась ограничить ее влияние в ключевых для Британской империи областях. Таким оказывается и Кавказ. Однако неадекватные планы о завоевании данной территории и покорении населения, разработанные русскими генералами, а также отсутствие четкой стратегии и недооценка ситуации со стороны Николая I, приводят к ужесточению Кавказской войны и к возможности появления «трещин» в безопасности империи, чем пытается воспользоваться Великобритания, чтобы реализовать свою стратегию и ограничить российское влияние в Европе и Азии.

После того, как Великобритания не успевает помочь полякам в восстании, начавшемся в 1830 г., британская политика настраивается против другой периферийной зоны Российской империи, а именно черкесских территорий или как их называют британцы – Черкессии. Для Великобритании, присоединение Кавказа к России означало ее приближение к караванному пути Трапезунд – Эрзерум – Тебриз, по которому осуществлялась английская торговля. Закавказье рассматривалась как область, находившаяся на границе Индии, и поэтому оно оказывается рубежом для обороны „Жемчужины в короне“ [3, с. 25]. Англичан беспокоило также увеличивающееся влияние России в Османской империи и Персии, что интерпретировалось в некоторых правительственных кругах как стремление к их завоеванию. На самом деле, политика Николая I в этом отношении была однонаправленна - он не хотел распада и деления этих двух государств, а стремился к их сохранению в качестве слабых и легко управляемых территорий. Это позволило бы обеспечить безопасность в южных границах Российской империи [3, с. 33]. Но беспокойство британцев заключалось в основном в том, что завоевание Османской империи, непосредственно или нет, рассматривалось как средство расширения российской экспансии в Индии и Персидском заливе. Также предполагалось, что из-за поражения на Кавказе Персия может направиться в Багдад и Герат, и с помощью

России завоевать их. К серьезному беспокойству приводили так же и начавшиеся «исследовательские» экспедиции России в Средней Азии. В результате всего этого Великобритания решает помочь горцам в их борьбе против России и направляет свое внимание на Черкессию, не признавая ее частью Российской империи, и не соглашаясь с 4-ой статьей Адрианопольского договора. По мнению А. Елифанцева, нет ничего удивительного в действиях британцев, потому что „в этом отношении, Англия ничем не отличалась от России – обе стороны вели абсолютно одинаковую политику – если Англия поддерживает против России черкесов, а потом и турок, то сама Россия помогает молодым Североамериканским Соединенным Штатам, подталкивает Иран к нападению на английский Афганистан, науськивает афганцев против англичан и провоцирует восстания в английских владениях в Китае “[4, 60-61]. Британию действительно не интересовала победа или поражение черкесов в Кавказской войне, а главная задача заключалась в том, чтобы с ее поддержанием можно было задержать русскую армию на Кавказе, чтобы отвести намерение России от любых планов расширения территорий, приближающихся к границам Индии.

Нельзя не учитывать также и интересы англичан в связи с расширением их торговой деятельности в Закавказье и с развитием новых караванных путей через эту территорию. Особое внимание уделялось портам по восточному побережью Черного моря, где можно было осуществлять экспорт товаров из Грузии, Мингрелии и Азербайджана: дерево, вино, мед, рыбу, шелк и импорт английских товаров [Более подробно см.: 12, 13]. В связи с этим, рассматривался вопрос о создании британского консульства в Трапезунде, „чтобы взять под полный контроль пути доставки британских товаров в Эрзерум, и оттуда распространить сферу своего экономического влияния на весь Азербайджан“ [3, с. 37]. Однако, именно в Трапезунде англичане и турки организовали и контрабандный импорт оружия черкессам [8, р. 49].

Основная деятельность, связанная с достижением поставленных целей ограничения русского влияния осуществлялась в Стамбуле, ставшим “политическим центром черкесов” [8, р. 49]. Британский посол, лорд Джон Понсонби и его секретарь с 1835 г. Дэвид Уркарт развернули активную работу при всяческой поддержке английского министра иностранных дел лорда Генри Пальмерстона. Британские эмиссары в Персии, рассматривавшие как основную угрозу присутствие России на Кавказе, тоже не оставались в стороне от их дела, доказательством чего является архив сэра Джона Макнейла [18], содержащий много информации о том, что происходит на Кавказе и представляющий большой интерес к деятельности британцев в данной области.

Великобритания начинает усиленно изучать Кавказа, что осуществляется с помощью находившихся там агентов, а также благодаря информации ее дипломатов, военных или журналистов, прибывших из этой области. Исключительно активным в этом был Дэвид Уркарт [21, 43-45] - известный британский публицист, который считал, что английская торговля не имела доступа ко всем странам, чьи границы расположены на берегу Черного моря, а Абхазия и Грузия "герметически закрыты" [20, р. 160]. Но так, как „время перемен” уже наступило, Уркарт, с согласия Пальмерстона, начал изучать возможности расширения британского политического и экономического влияния на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. Однако, очень скоро все внимание британского публициста направляется на Черкессию. В июле 1834 г. Дэвид Уркарт и капитан Лейонс, управляющий английским военным кораблем «Туркуаз», встретились с представителями местных племен в Сухум-Кале и призвали их к дальнейшей борьбе с Россией, предложив свою помощь. Они внимательно изучили берег Черного моря, останавливаясь в Геленджике и Анапе, пытаясь получить больше информации о численности гарнизонов, о крепостных сооружениях, навигационных условиях, отношениях между русскими и черкессами, и даже о Кавказком корпусе [7, с. 46-50]. Нарушение правил карантина и попытка вмешательства британцев в

дела Российской империи, путем установления прямых контактов с черкессами, воспринималось с раздражением со стороны Николая I, который приказал, чтобы иностранцам было запрещено рассматривать побережье Кавказа и общаться с черкесами [7, с. 51].

Помощником в планах англичан, конечно, со знанием османских властей, которые продолжали направлять эмиссаров к горцам, являлся Сефер-бей, выходец из шапсугского племени и живший в Стамбуле. В своих постоянных письмах, присылаемых соплеменникам он призывал их к вооруженному сопротивлению против России и уверял, что им на помощь придут войска египетского паши, Англии и Франции [1, Т. VIII (1881), №776, с. 894]. Русский посол в Константинополе был уверен в том, что Сефер-бей поддерживает британский посол, и благодаря финансовым средствам, которые последний получает за миссию, он организывает экспорт оружия и боеприпасов для черкесов [1, Т. VIII (1881), №776, с. 894]. В 1836 г., по настоянию России, Высокая Порта согласилась переселить Сефер-бея в Пазарджик, где, как считалось, он не мог бы связываться со своими соплеменниками и не мог заниматься своими делами, связанными с экспортом оружия по морю. Однако, это не удалось достичь, так как и там Сефер-бей, которому Османская империя предоставила пенсию, продолжал поддерживать связь с кавказцами и со своими «друзьями» в Стамбуле [14, Vol. 2 (1840), с. 113].

По мнению Понсонби судьба Османской империи зависела от исхода Кавказкой войне, что совпадало с представлениями его секретаря (с 1835 г.) Дэвида Уркарта, названного некоторыми историками «основоположником теории домино». Исходя из данной теории, если России удастся добиться влияния в Стамбуле и Проливах, то постепенно разрушится система обороны Индии, а за Османской империей последуют Иран, Герат, Афганистан, и наконец, британская колония окажется одной против русских войск [3, с. 54]. В 1836 г. вышла книга Сэра Джона Макнейла [16], который предлагая исторический обзор экспансии России на Востоке, заявил: «Если бы Россия никогда не была на Кавказе, то отношения между Англией и Персией остались бы чисто коммерческими...», но так как Россия с ее амбициями угрожает безопасности Великобритании «то мы предпримем все необходимые меры, чтобы сохранить и воспрепятствовать тому, что она намеревается сделать». Наконец Макнейл приходит к выводу, что целостность и независимость Персии являются необходимыми для безопасности Индии и Европы. Любая попытка нарушения этого будет восприниматься как недружелюбный акт, направленный против Англии [16, с. 150-151].

Настроения британцев, служавших в Османской империи и Персии, становились все более крайними, что касалось дела защиты Черкесии. Ищутся любые доказательства отсутствия правовой основы для того, чтобы считать ее владением России. Принято считать, что во владениях Османской империи находились лишь некоторые области побережья Черного моря, и потом, принимая во внимание Адрианопольский договор, они становятся владением Российской империи, за исключением территории черкесов. Это подтверждает, и английский журналист Эдмунд Спенсер [19, Vol. 2 (1838), р. 384], который в 1836 г. посетил территории побережья. Он приводит еще некоторые аргументы, а именно то, что в этом договоре Черкесия даже не упоминается, и Османская империя не покупает рабов из черкесского населения, ибо это население, рассматривается как служившее Османской империи. Кроме того, он считал, что такие города побережья Черного моря, как Анапа, Редут-Кале и другие, были присоединенными к Османской империи черкесскими старейшинами с целью торговли [19, Vol. 2 (1838), 384-385] и, как говорит сам автор, "я мог бы привести к примеру многочисленные факты, если бы это было необходимо, чтобы доказать, что Адрианопольский договор не обеспечивает суверенитета Кавказу, как утверждает Россия..." [19, Vol. 2 (1838), р. 388]

В 1836 г. Дэвид Уркарт опубликовал в «Портфолио», периодическом издании, неофициально выходившем при Министерстве иностранных дел Великобритании, "Декларацию о независимости Черкесии" и карту (одобренную лордом Пальмерстоном) [15], где черкесские территории представлены в качестве независимого государства. Также в 1835 г. и 1836 г. черкесы обратились к британскому государству с просьбой предоставить им защиту и поддержку их торговли. При этом британцы посоветовали черкесам «помириться с русскими» [17, GD45/8-475, p. 12]. Однако советы британцев расходились с их делами.

25-ого ноября 1836 г. русский военный бриг «Аякс» захватил в Суджук-Кале английскую торговую шхуну «Виксен», которая принадлежала Сэру Джону Беллу. Шхуна находится в запрещенном месте для торговли и перевозила неразрешенные товары, а именно соль, порох и некоторое оружие [3, с. 72; согласно К. Марксу была только соль: 15], из-за чего на основании указа императора с 1831 года [5, № 4622], российские власти имели полное право задержать ее. Окончательное решение вопроса было таким: «Виксен» и его товар были конфискованы российскими властями, а после того, как дело было переостановлено, экипаж был отвезен за счет российской казны в Стамбул, откуда мог свободно вернуться в Великобританию. Идейным вдохновителем отправки корабля на побережье Черного моря считается Дэвид Уркарт, при том и Пальмерстон, и Понсомби находились в курсе дела, о чем свидетельствует их переписка [18, GD371-218(1-2)].

Даже разговор между Понсомби и Джэймсом Беллом с 27 октября 1836 г. говорит о том, что первый из них согласен с решением второго об осуществлении своего намерения торговать в определенном районе и о том, что посол считает, что "Россия не имеет права вмешиваться в дела Черкесии или устанавливать торговлю с ней" [18, GD371-218(3), p. 2]. Понсомби также заявил, что если Джэмсон Белл обязательно получит поддержку от британского государства и что с радостью он также окажет ему помощь, в рамках его полномочий. Но этого не произошло, когда братья Белл обратились за помощью к государству.

Первоначально в январе 1837 г., с помощью британского консула в России, Лондон выразил свое абсолютное несогласие с конфискацией корабля и определил это как незаконное действие, так как во владении России не находилось восточное черноморское побережье, ни фактически, ни юридически, и поэтому она не имела права устанавливать карантинные правила и указывать места для осуществления торговли. Еще один вопрос, который по-мнению британского государства дал возможность разных толкований инцидента – это, с одной стороны, называет ли Россия существующие таможенные и карантинные ограничения "блокадой", словом которое использовал адмирал Лазарев в качестве аргумента о конфискации Вискена в ноябре. Это означает, что Россия признает Черкесию в качестве независимого государства, что, в свою очередь, ставит вопрос о том, признает ли Великобритания тоже данную блокаду и, таким образом, независимость Черкесии. С другой стороны, в официальном письме российской стороны письме в январе 1837 года [15; 3, с. 75] было заявлено категорически, что конфискация корабля произошла из-за несоблюдения таможенных и карантинных. А это значило, что если Россия, в таком случае, имеет право принимать данные правила, то территории черкесов находятся под ее влиянием и принадлежат ей, поэтому, признавая существующие ограничительные правила, и Великобритания должна признать влияние Российской империи над этими территориями. Ситуация еще более осложнялась из-за принятия одного из двух вариантов последствий для владельца корабля и его экипажа, т.е. будут ли они обвинены в контрабанде или не будут, и в какой степени государство сможет защитить их коммерческие интересы. Со многими оговорками в докладе адвоката королевы Виктории от 24 февраля 1837 года, который рассматривал вопрос о принадлежности восточного побережья Черного моря России,

признавалось, что русский военный корабль не имел права арестовать британцев из-за осуществления торговой деятельности с черкесским населением [17, GD45/8-475, p. 75].

Великобритания начинает искать поддержку у других великих держав, чтобы оказать сильное влияние на Россию и пытается сделать черкесский вопрос международным, что осложняет отношения между англичанами и русскими, и вызывает возникновение серьезных военных настроений в британском обществе. На самом деле, большая часть западных дипломатов поддерживали Россию, а иностранные консулы в Одессе осуждали экспедицию «Виксена» [3, с. 73]. Определенно цели этой экспедиции, не являлись только торговыми, как заявил сам Джэймс Белл, но собранная им «политическая информация» поможет только для достижения цели установления прямой торговой связи между Черкесией и Великобританией [9, Vol. 1 (1840), V-VI]. Но конфискация «Виксена» привела к серьезным дебатам в английском парламенте [2, 120-138], где стали громкими антироссийские заявления.

Лорд Пальмерстон решил оказать сильное влияние на своего Николая I, поставив его перед угрозой войны. Пальмерстон издал секретный приказ о приведении английской эскадры в Архипелаге в состояние повышенной боевой готовности. В тоже самое время царь потребовал от своего адъютанта генерала Н.Н. Муравьева, чтобы он был готов в случае чрезвычайной ситуации, в течение 24 часов начать военные действия для овладения Проливами. Посол России в Англии Поццо-ди-Борго, со своей стороны, с помощью агентов организовал наблюдение за военно-морскими базами Великобритании, чтобы иметь возможность предупредить Петербург о любых подозрительных действиях. В. Дзгоев связывает начало строительной деятельности на побережье Черного моря именно с этими событиями, а также с неспособностью России сосредоточить достаточно сил против Шамиля [3, с. 83].

В марте 1837 г. Понсомби просил султана пропустить через проливы в Черном море английские военные корабли и позволить британцам построить военную морскую базу недалеко от границ с Россией. Но Махмуд II не согласился с этим и предпочел остаться нейтральным. Надежды Великобритании не оправдываются и что касается ее поддержки, со стороны других великих держав, и особенно Австрии и Франции, которые поддерживали Российскую империю, а Пруссия не собиралась придавать большого значения этому конфликту, а тем более вмешиваться в нем. Это заставило Пальмерстона признать свой подход неуспешным и искать достойное отступление, что и осуществилось, благодаря желанию России найти мирное решение вопроса.

В марте 1837 г. в парламенте Пальмерстон отрицал наличие какой-либо сопричастности со стороны государства к случаю с „Виксеном“, а также перечитывал письма между ним и Джордж Беллом, на основе которых министр иностранных дел считал, что его наставления не содержат поддержки экспедиции «Виксена». Интересным является и тот факт, что Пальмерстон признавал право блокады, а само правительство Англии готово следовать за этим [22, § 621-656].

На формальном межправительственном уровне дипломатический инцидент закончился в апреле и мае 1837 г. двумя измененными нотами между Россией и Великобританией. В британской ноте Пальмерстон требовал формального разъяснения действий российской стороны в задержании «Виксена». В ответной российской ноте такое разъяснение было получено. После этого лорд Пальмерстон через британского посла в России ответил следующим образом: «Правительство Его Величества не видит достаточных оснований, чтобы подвергать под сомнением право России арестовать и конфисковывать «Виксен», имея ввиду, что, в первую очередь, местность Суджук-Кале является турецким владением, что признано Россией Договором с 1783 г. и теперь принадлежит ей, как это указано и самим графом Нессельроде в соответствии с Договором Адрианополя» [15; 3, с. 93].

Но Великобритания не останавливается по пути к реализации намеченных целей. Несмотря на то, что 10 марта 1837 г. Дэвид Уркарт был уволен с должности секретаря, он продолжает заниматься «Черкесским» вопросом. Братья Белл без успеха пытались получить обратно свой корабль или хотя бы компенсацию за ущерб. Весной 1837 г. Джэймс снова поехал в Черкесию, как и пишет 29 марта 1837 г. в своем письме к Сэру Джону Макнилу. «Первого числа, в субботу, я снова отправляюсь в Черкессию – в экспедицию, запланированную ее ревностным, неутомимым и мощным другом г-ном Уркартом. Конечно, вы узнаете результаты, когда мы вернемся - если это нам удастся» [18, GD371/126, p. 2]. Как видно из этого, намерения Белла не относятся к области коммерческих интересов, а тесные контакты с должностными лицами Великобритании за рубежом показывают его большой интерес к достижению поставленной задачи. О его намерениях снова восстановить контакт с черкесскими племенами предупреждал и А.П.Бутенев в докладе к барону Г.В. Розену [1, Т. VIII (1881), Док. №778, с. 895]. Николай I требует, чтобы внимательно следили за действиями Белла и чтобы не допускали ему связаться с племенами и реализовать опасные намерения против российской власти [1, Т. VIII (1881), №779, с. 986; Т. IX (1884), с. 454]. Кроме Джэймса Белла почти в то же самое время Черкессию посетил и корреспондент газеты "Таймс" и "Морнинг Хроникл" Джон Лонгуорт [14], при том оба со своей деятельностью – поддержание морального духа народа, создание постоянных войск, разработка планов о военных операциях, финансовая помощь и многое другое [14, Vol. 1 (1840), 120-121; 9, Vol. I (1840), p. VIII, 151-152, 253]. По всей вероятности под влиянием британских эмиссаров, черкесские племена (прежде всего шапсуги, абадзехи и натухайцы) потребовали от российских властей остановить строительство новых фортификационных сооружений, снести старые и чтобы российские войска покинули Черкесию [7, 111-112; 8, p. 49]. Этого, конечно, не происходит и начинаются ожесточенные бои между казаками и кавказцами. В 1839 году общество шапсугов распространило сообщение [10, 53-58] по всему миру, где утверждалось, что черкесы являются независимыми и будут бороться против России, которая хочет превратить их в рабов. Черкесы жаловались на множество неудачных попыток получить помощь от Османской империи и Персии. "Сейчас эта 100 тыс. московская армия, которая осадила нас и с нами воюет, завтра и с вами будет воевать" [10, p. 54], это придает большого смысла борьбе, перед тем как воспринимать ее просто как жертву, и это должно вызывать сострадания, выраженного ясной поддержкой в боевых действиях, потому что горы Кавказа является "барьером", "крышей" для вышеупомянутых двух государств. Черкесы, прежде всего, будут ожидать поддержки от своего султана, потому что черкесская кровь является и его самой кровью, и потому что он является их религиозным покровителем. Они надеялись, что и другие сильные государства, такие как Англия и Франция, заинтересовались, что происходит между ними и Россией, узнали бы о проявленной жестокости против их народа. Не только отсутствие интереса, но и распространение в Европе определенных карт, на которых Черкесское государство изображено как часть России, рассматривались как оскорбление населения.

Условием мира, по мнению черкесов, должна быть защита Кавказа от находившейся там российской армии. Это действительно интересный документ, в изготовлении которого можно заметить вмешательство со стороны. Это можно предположить, исходя из британских взглядов на Кавказ как стратегическую область, от которой зависела безопасность Османской империи и Персии.

Из документа видно, что черкесам прекрасно известны распространенные о них в Европе тексты и многие другие сведения. Это удивительно для народа, которого русские пытались удержать в изоляции от внешнего мира и, который, за исключением единиц, не имел серьезных познаний в иностранных языках, чтобы быть достаточно информированным. В то же время, в документе чувствуется большое разочарование отсутствием долгожданной военной помощи, как со стороны султана, так и со стороны

Великобританії. Позиції британців і турок були такими, щоб з допомогою пропаганди підтримувати постійну напруженість між Росією і черкесами.

Важкою частиною зовнішнього втручання в Кавказську війну є наміри британців використати «услугами» поляків, про що пише в 1837 р. Д-р Річч в своєму доповіді до Макнілла, «являються дуже агресивними по відношенню до росіян» [17, GD45/8-354, с. 11]. Після припинення повстання поляків, багато з них були вислані в вигнання на Кавказ, а там уже деяким вдалося знайти притулок серед місцевих племен. За даними, так сказати надійних осіб, які отримує Д-р Річч їх кількість в Кавказській армії становить від 14 до 20 тисяч осіб. Однак, незважаючи на це, росіяни не дуже довіряють полякам, про що пише сам лікар, їздили під охороною на Кавказ, були неозброєними, незалежно від того, що їх чекали військові справи, а зброя їм надавали тільки в випадках, коли очікувалося зіткнення з горами. Він також додає, що поляки готові виступити проти Росії, якщо з'явиться така можливість [17, GD45/8-354, 11-12].

Дійсно, якщо будуть здійснені будь-яких видів ворожих дій проти Російської імперії на Кавказі, то Великобританія буде готова використати «слабке ланка» в рядах її армії Кавказу. Але тут мова йде не тільки про створення т.зв. «пятої колонії», а також про зовнішню підтримку з боку поляків, які емігрували за межі після повстання, з лідером яких, Адамом Чарторийський, Уркарт зв'язується ще в середині 30-х років XIX століття. Він і інші поляки, перебуваючі в вигнанні, бачили можливість використати черкеську непримиримість і військові справи як план дій двох периферійних областей імперії, з урахуванням майбутньої революції, яка повинна привести до звільнення Польщі. На справді, такі плани існували ще в час повстання поляків. Їх доказом є лист з архіву Сера Джона Макнілла, який Х. Де Боровський надіслав через польського представника вищим колам в Стамбулі 14 вересня і з додаванням в постскрипті 15 вересня 1831 року. В цьому листі він описав свою зустріч з «шахським принцем» (Аббас Мирзой), а предметом розмови між ними були трагічні події в Польщі і можливість шаха повернути собі Арменію і Грузію. Поляк пише, що він жив в Аравії і як тільки дізнався про повстання, то вирішив поїти в Європу, «але політика направила мене до персидським колам вищого суспільства, щоб стежити за тим, що відбувається там і очікувати ефекту від нашого успіху з шахом і шахським принцем». Він також пише, що недалеко від Ісфахана зустрівся з російським представником бароном Аш, а потім і з капітаном Френсісом Чесном з британської королівської артилерії. Після цього, як у нього відбулися дві зустрічі з Аббас Мирзой, йому вдалося використати можливість надати інформацію про Польщу: географія, населення, стан армії і артилерії, а також вплив, який він може мати в Європі, Османській імперії і Персії. Боровський ознайомив принца з можливостями повернути до себе Арменію і Грузію, але Аббас Мирзу турбували його ідеї, тому що «йому доведеться випробувати на собі силу Російської імперії». План Боровського представляв зимову кампанію, організовану з допомогою декількох армян і грузин, при чому у Аббас Мирзы буде час зібрати ще 20 тис. армію до вже добре організованої 15 тис. його армії, яка готова відправитися в області Єревану і Тифлісу. Боровський пише, що будуть ще дві зустрічі – перша з Аббас Мирзой і друга з шахом, після чого він надасть інформацію, отриману від нього. Боровський розкриває ще один план, який по всій ймовірності повинен бути виконаний разом з першим, а саме, з діями в Чорному морі. Боровський збирався організувати два корабля з екіпажем, в який би входили греки і італійці, і з допомогою знайомих йому британців і американців, очолити цю операцію. Боровський заявив, що вже брав участь в подібній заході в Південній Америці проти Іспанії і хоче викликати таке ж невдоволення у Росії, не піддаючи небезпеці ні одного поляка крім себе, і не вимагаючи публічних

средств [18, GD371/50(2)]. Из-за отсутствия дополнительной информации о биографии Боровского [1, Т. VII (1878), №744, с. 742: упоминается польский путешественник Баронский и согласно имеющейся информации из этого документа можно предположить, что это тот же человек – Х. де Боровский.], из его письма нам известно только то, что он является истинным патриотом и оппортунистом. Он сам понимает, как и пишет, что предложенный им план может показаться польскому представителю высших кругов «крайне нереальным». Более интересным является факт, с чьей помощью этому человеку удавалось так часто встречаться с Аббас Мирзой и договариваться о встрече с шахом. По всей вероятности, можно предположить наличие какой-нибудь британской связи, опираясь на упомянутую уже встречу с британским капитаном, в чьей компании находился также Аббас Мирза. А еще одним бесспорным фактом, который приводит к данной мысли, является то, что письмо есть в архиве британского дипломата Сэр Джона Макнила, который в это время пока еще не является послом, а в качестве врача находится в близких отношениях с шахом и его сыном [6, 884-898]. Кроме того, во время польского восстания есть свидетельства о том, что английские агенты пытаются спровоцировать конфликт между Россией и Персией [3, с. 43]. Тем не менее, это оказалось невозможным из-за мятежа курдов в Хорасане, подавлением которого был занят шах. В своем письме к шаху 13 сентября 1831 г. Николай I, по всей вероятности, стремится найти сходство между тем, что происходит в обеих странах и после того, как он приветствует шаха за умиротворение Хоросана, уведомляет его и о прекращении восстания в Польше [1, Т. VII (1878), №745, с. 743]. Также после убийства Грибоедова в 1829 году Персия не желала нарушать «спокойные отношения» между двумя странами.

Почему письмо Боровского является настолько важным? Оно не содержит информации о черкесском сопротивлении. Но оно акцентирует на Грузии и Армении как на слабых местах российских владений. Что касается Грузии, по всей вероятности, поляк был информирован, что перед тем как она была присоединена к Российской империи, она формально находилась в персидском владении. Интересным, в связи с этим, является и факт, что в 1832 г. раскрывается уже упомянутый грузинский заговор. Позднее «Черкесия» становится «слабым местом» России, и, несмотря на то, что она присутствует в докладе врача Рийча, даже в 1873 г. он говорит о том, что Россия должна быть выгнанной из Грузии и из других ее южных провинций [17, GD45/8-354, р. 26].

На самом деле, главным здесь является то, что неважно в какой части кавказских владений России происходят сотрясения или то, что они недостаточно хорошо защищены от внешних посягательств, а важным является то, что их нужно использовать в качестве средств для «сдерживания» России от экспансии к Индии. Поэтому и интерес к Черкесии и Кавказу не исчезает. В архиве Сэр Джона Макнила есть множество докладов английских военных и граждан, являющихся разведчиками и предоставляющих стратегическую информацию, как например, информация небезизвестного врача Рийча. Последний предоставляет цифры, полученные из официальных документов или от лиц, на которых можно было рассчитывать, и данные цифры относятся к населению Кавказа, Кавказского корпуса и других сфер.

Важную информацию предоставляет и английский консул в Трапезунде Джэймс Бранд. В своем письме он сообщал, что российские военные части «очищают» лес и строят дороги между Тифлисом и Редут-Кале, а также что они продвинули новые дороги между Тифлисом и Черным морем и другими областями [18, GD371/148(9)].

Особенно интересным и, безусловно, ценным для британцев являлся доклад полковника Джорджа Поулет Камерона 17 ноября 1838 г. Он путешествовал из Персии в Великобританию через Черкесию и Грузию и предоставил подробную информацию о российской армии, артиллерии и пехоте, о ресурсах России и ее финансовых делах, а также предоставил карту российских военных позиций в Северо-Западном Кавказе! [18,

GD371/96(14); Полковник опубликовал книгу, см.: 11]. Во время Крымской войны, когда делались попытки привлечь горцев, которые поддерживали бы союзников против России, появляется и другая информация. Позже, в связи с последующим польским восстанием в 1863 г., британцы вместе с поляками разрабатывали серьезные планы по объединению усилий кавказцев и поляков по разделению территории России.

Кавказская война оказала значительное влияние на внешнюю политику России. Ошибочная политическая тактика России, настраивание против себя кавказских племен, одновременно с их недооценкой, военная колонизация Кавказа и его завоевание – все это вместе дает возможность и аргументацию внешнего вмешательства международных игроков, и, прежде всего, Великобритании. Британцы не имели прямого отношения к происходящему, но использовали Кавказскую войну для достижения своих внешнеполитических интересов в отношениях с Россией. Непоследовательная политика России на Кавказе превращает этот регион в слабое звено российской национальной безопасности, и он становится небезопасным местом, где сосредотачиваются политические «схватки» одного из самых больших противников Российской империи – Великобритании. Это усложняет превращение Кавказа в неотъемлемую часть Российской империи и сохранение стабильности российской власти там.

Список использованной литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. – Тифлис : Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1886–1904. - Т. 1–12.
2. Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. Дегоев. – Москва : SPSL – «Русская панорама», 2001. – 443 с.
3. Дегоев В. В. Кавказ и великие державы (1829 – 1864). Политика, война, дипломатия / В. Дегоев. – Москва: Рубежи XXI, 2009. – 560 с.
4. Епифанцев А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? / А. Епифанцев. – Москва : Гуманитарный фонд "Кавказ - новые горизонты", 2013. – 381 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. - Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. - Т.VI, Ч.1. - 844 с.
6. Сер Джон Макниль (Из служебных воспоминаний В.С.Толстого) // Русский архив. - 1874. - Кн. 1, № 1-6
7. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов / под ред. Ш. В. Цагарейшвили. – Тбилиси : Госиздат Грузинской ССР, Сектор политической литературы, 1953. – 563 с.
8. Allen W.E.D. Caucasian Battlefields : a history of the wars on the Turco-Caucasian Border, 1828-1921 / W.E.D. Allen, P. Muratoff. - Cambridge :University Press, 1953. – 614 с.
9. Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 in 2 vol. / J. S. Bell. - London :E. Moxon, 1840. - Vol.1-2
10. Berzeg, N. Çerkesler Kafkas Sürgünü: Vatansız Bırakılan Bir Halk / N. Berzeg. - Istanbul, Chiviyazıları, 2006. – 311 s.
11. Cameron G. P. Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia, and Russia / G. P. Cameron. - London, H. Colburn, 1845. – Vol. 1. – 349 p. ; Cameron G. P. Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia, and Russia / G. P. Cameron. - London, H. Colburn, 1845. – Vol. 2. – 317 p.
12. Fraser J.B. Travels and adventures in the persian provinces on the southern bank of Caspian Sea : With an appendix, containing short notices on the geology and commerce of Persia / J. B. Fraser. - London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1826. – 384 p.
13. Jones G.M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey / G. M. Jones. - London : J. Murray, 1827. - Vol. 1. ; Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey / G. M. Jones. - London : J. Murray, 1827. - Vol. 2

14. Longworth J. A. Year Among the Circassians / J. A. Longworth. - London : H. Colburn, 1840. - Vol. 1-2
15. Marx K. The Story of the Life of Lord Palmerston [Electronic resource] / K. Marx. - Mode of access : <http://www.marxists.org/archive/marx/works/1853/palmerston/ch08.htm>
16. McNeill J. Progress and present position of Russia in the East / J. McNeill. – London: J. Murray 1836. – 151 p.
17. National Archive of Scotland. - Papers of Fox Maule (latterly Lord Panmure) as Secretary at War (1846-1852), Secretary for War (1855-1858) and a member of the Cabinet (1849-1852 and 1855-1858), together with some later military papers. 1833-1883
18. National Archive of Scotland. - Sir John McNeill (1795-1884), Diplomat. 1802-1905.
19. Spencer E. Travels in Circassia, Krim Tartary, Including a Steam Voyage Down the Danube from Vienna to Constantinople, and Round the Black Sea, in 1836 / E. Spencer.- London : H. Colburn, 1837. - Vol. 1. – 406 p. ; Spencer E. Travels in Circassia, Krim Tartary, Including a Steam Voyage Down the Danube from Vienna to Constantinople, and Round the Black Sea, in 1836 / E. Spencer. - London : H. Colburn, 1837. - Vol.2. – 456 p.
20. Urquhart D. Turkey and Its Resources: Its Municipal Organization and Free Trade; the state and prospects of English commerce in the East; the new administration of Greece, its revenue and national possessions / D. Urquhart. - London, Saunders and Otley, 1833. – 328 p.
21. Urquhart, David(1805-1877) // Dictionary of National Biography. – London: Smith, Elder & Co, 1899.- Vol.58. - P. 43
22. Viscount Palmerston. The Vixen.—Treaty of Adrianople. HC Deb 17 March [Electronic resource] // HANSARD. - 1837. - Vol. 37. – Mode of access : <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1837/mar/17/the-vixen-treaty-of-adrianople>
Стаття надійшла до редакції 10.05.2017 р.

Ts. Tsvetkova

DIPLOMATIC PLACEMENT OF RUSSIA WITH THE GREAT BRITAIN IN CAUCASUS IN 30-X PP. XIXth cent.

The article examines the diplomatic confrontation between the Russian Empire and Great Britain in the Caucasus in the 30's of the XIX century. The region, which Russia had not still consolidated its power in, became the weak link of the Russian national security and part of the British political strategy for limiting Russian influence in Europe and Asia. The Caucasian War and the strong anti-Russian propaganda in Great Britain were the undisputed factors that created the necessary conditions for the implementation of this strategy. On the one hand, there was an expansion of the military colonisation, which was a main method during Nicholas I's rule to establish control over the North Caucasus, and on the other hand - the British propaganda, which became a serious political weapon for the protection of the Caucasian population. This study highlights concrete examples of the diplomatic confrontation between the two countries in the Caucasian region as well as provides information based on archive data that has not yet been investigated.

Keywords: Russia, Great Britain, Caucasus, Circassia, David Urquhart, "Vixen", Polish people.

Ц. Цветкова

ДИПЛОМАТИЧНЕ ЗІТКНЕННЯ РОСІЇ З ВЕЛИКОЮ БРИТАНІЄЮ НА КАВКАЗІ У 30-Х РР. ХІХ СТ.

Стаття розглядає дипломатичне зіткнення Російської імперії з Великобританією на Кавказі в 30-х роках ХІХ століття. Територія, в якій Росія все ще не зміцнила свою владу, стає найслабшою ланкою Російської національної безпеки і виявляється частиною британської політичної стратегії, що пов'язано з процесом обмеження російського впливу в Європі і Азії. Безперечними факторами, що створюють необхідні умови для реалізації

даної стратегії, є Кавказька війна і сильна антиросійська пропаганда в Великобританії. З одного боку, є розширення військової колонізації, що є основним методом управління Миколи I для встановлення контролю над Північним Кавказом, а з іншого – британська пропаганда, яка стає серйозною політичною зброєю для захисту кавказького населення. В даному дослідженні підкреслюються конкретні приклади дипломатичного протиставлення між двома країнами на Кавказі, а також надається інформація про недосліджені на сьогоднішній день архівні дані.

Ключові слова: Росія, Великобританія, Кавказ, Черкесія, Девід Уркарт, «Віксен», поляки.

УДК 329.8:001.8

Г.В. Шипунов

ІНСТИТУЦІЙНО-ОРГАНІЗАЦІЙНА ЕВОЛЮЦІЯ ПОЛІТИЧНИХ ПАРТІЙ: МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ДОСЛІДЖЕННЯ

Трансформація інституту політичних партій, зокрема їхньої організаційної структури, що відбувається в сучасному суспільстві, потребує належного наукового осмислення. Відтак у статті на основі інтегративної теорії партійних змін К. Джанди та Р. Хармела побудовано методологічну стратегію дослідження інституційно-організаційної еволюції політичних партій, яка є придатною для її застосування в контексті аналізу процесу організаційної модифікації політичних партій на пострадянському просторі, у тім числі й в Україні.

Ключові слова: політична партія, партійна організація, партійні зміни, екзогенні фактори змін, ендогенні фактори змін.

Проблема аналізу якісного переформатування традиційних політичних інститутів як наслідку кардинальної трансформації сутнісних характеристик суспільства, його політичної структури, є актуальним дослідницьким завданням сучасної політології. Важливим напрямом такого роду наукових пошуків є осмислення тих змін, яких зазнають політичні партії як невід'ємні елементи сучасних політич, зокрема крізь призму трансформації їхньої (партій) організаційної структури. Результати цих пошуків представлені, зокрема, концепціями кадрової, масової, «всеохоплюючої», картельної, «модернізованої кадрової», мережевої політичної партії.

Особливого значення окреслена проблема набуває в контексті зміни уявлень про суть самої демократії, яка відбувається в умовах переходу суспільств на нову, постіндустріальну (постмодерну, постінформаційну) стадію розвитку. Відтак, за твердженням американського науковця В.Кротті, зміна відносин між політичними партіями та демократією в сучасному суспільстві є не просто однією з, а найважливішою темою в дослідженні сучасних партій [3, с. 8-9]. Тож, це вимагає належного наукового осмислення та вироблення послідовної методологічної стратегії аналізу інституційно-організаційної еволюції політичних партій.

Тут необхідно наголосити, що західна політична наука представлена цілим комплексом ґрунтовних досліджень організаційної еволюції політичних партій. Про це свідчать праці, зокрема, М. Дюверже, З.Нойманна, О. Кіркхаймера, А. Панебьянко, П. Ігнаці, Т. Погунтке, Р.Каца, П. Мейра, Р. Кула, С. Волінца, Р. Гюнтера, Л. Даймонда. Натомість можемо констатувати, що визначена проблема є мало дослідженою у рамках української політології. Окремі її аспекти розкриті у працях Ю.Шведи, А. Романюка, В. Лебедюка, М. Кармазіної, М. Примуша.